Коновалов Андрей Анатольевич, Тамазов Муслим Султанович, Бунькова Юлия Владимировна

КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИМПЕРСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВВ.

Статья посвящена анализу паттерна государственности в политической культуре имперской России конца XVIII – начала XIX в. Проведена своеобразная разметка политического пространства, позволившая его структурировать и выявить особенности, контуры и пределы политической модернизации. Предпринята попытка отойти от стереотипных, традиционных исследовательских подходов к изучению политической сферы, предложена многовекторная система координат, на которую спроецированы разные аспекты политической системы. Это позволило выявить в политическом процессе различные смысловые оттенки, разнообразные, разновекторные тенденции развития изучаемого объекта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 97-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу паттерна государственности в политической культуре имперской России конца XVIII – начала XIX в. Проведена своеобразная разметка политического пространства, позволившая его структурировать и выявить особенности, контуры и пределы политической модернизации. Предпринята попытка отойти от стереотипных, традиционных исследовательских подходов к изучению политической сферы, предложена многовекторная система координат, на которую спроецированы разные аспекты политической системы. Это позволило выявить в политическом процессе различные смысловые оттенки, разнообразные, разновекторные тенденции развития изучаемого объекта.

Ключевые слова и фразы: государственность; этатизм; патернализм; политическая культура; политическая традиция; социокультурная модель; имперская модернизация.

Коновалов Андрей Анатольевич, к.и.н., доцент
Тамазов Муслим Султанович, к.и.н.
Бунькова Юлия Владимировна, к.и.н.
Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик
homunculus2@yandex.ru; damey@yandex.ru; y.bunkowa@yandex.ru

КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ИМПЕРСКОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX ВВ.©

Политическая культура имперской России на рубеже XVIII-XIX вв. определялась несколькими факторами: доминирующими в общественном сознании политико-правовыми теориями и философскими доктринами, особенностями политических представлений властной элиты и осознанием ими роли и места России в структуре международных отношений, реальным внутри- и внешнеполитическим положением страны. Она формировалась под влиянием исторического опыта, памяти о социальных и политических событиях, политических ценностей, ориентаций и навыков, непосредственно влияющих на политическое поведение.

Особенности российской государственности, сложившиеся к концу XVIII – началу XIX столетия, определяли глубину и пределы интерпретаций политической элитой актуальных европейских политических теорий, их усвоения и приложения к российской действительности, привели к попыткам создания целостных политических представлений о России.

Основным содержанием общего вектора политического развития Российской империи стало формирование политической культуры модерности, предполагающей «институционально оформленную активность свободного индивида», порождающей «функциональный режим деятельности исполнительной власти, когда главным становится отраслевое бюрократическое администрирование, прагматический и рационально организованный политический менеджмент» [9, с. 60]. При этом модернизация страны рассматривалась как инструмент консервации глубинных основ государственности, а ее ценности (либерализм, гражданские права и свободы) не становились доминирующими в политической культуре России вплоть до второй половины XIX столетия.

Единый для российского общества нормативно-ценностный порядок задавала такая доминантная форма социальной интеграции, как государственность, которая занимала значимое место в политической культуре России. Этот порядок представлял генерируемые государственной властью основы национального единства.

Государственная власть в России постоянно стремилась к трансформации политического сознания, пытаясь создать соответствующие структуры, оправдывающие ее деятельность. Такими превалирующими структурами были, прежде всего, этатизм и патернализм. «…Важнейшей отличительной особенностью России является превалирование государственного начала в ее истории… в России государство строилось сверху вниз (в отличие от Европы), элементарное состояние экономического ―фундамента” вызвало гипертрофию государственной ―надстройки” и определило сильное обратное воздействие этой ―надстройки” на самый фундамент» [21, с. 130-138].

Если страны Западной Европы в XVII-XVIII вв. сменили эволюционный путь развития на инновационный, Россия перешла от эволюционного к мобилизационному. Он осуществлялся за счет сознательного и насильственного вмешательства государственной власти в механизмы функционирования общества.

Российское государство, несущее «бремя мессианизма», с XVI в. («Москва – Третий Рим», «Сказание о князьях Владимирских») начинает активно выстраивать свою искусственную политическую реальность. Заложником этого процесса становится российское общество, структура которого меняется не естественно, не в ходе социальной эволюции, а в результате государственных интервенций в социальный процесс. Государство трансформирует общество под свои потребности и интересы. В последующем данная тенденция не угасает в результате формирования гражданской культуры, а получает дальнейшее развитие. Наиболее рельефно указанный процесс проявляется с начала преобразовательской деятельности Петра I, когда в России складывается особый тип «всепоглощающего государства», символом которого стало «отеческое», бюрократическое

© Коновалов А. А., Тамазов М. С., Бунькова Ю. В., 2014

попечительство «вождя-государя» и государственной власти о «благе народа», общественной и личной пользе своих подданных. «При Петре величие империи продолжало оставаться главной целью, а общество лишь средством для ее осуществления. В этой системе координат государство – самая значимая, доминантная ценность, властитель воплощает в своей персоне Власть и идею общественного блага, подданный, стоящий на более низких ступенях социальной лестницы, особой ценности для власти не представляет» [8, с. 88-89].

Данный путь развития представляет собой один из способов адаптации социально-экономической системы к реальностям изменяющегося мира и заключается в систематическом обращении в условиях стагнации или кризиса к чрезвычайным мерам для достижения экстраординарных целей, представляющих собой выраженные в крайних формах условия выживания общества и его институтов [5].

Важнейшей особенностью России и ее отличительной чертой, по сравнению с Западной Европой, по мнению П. Н. Милюкова, является превалирование государственного начала в ее истории. Если на Западе «общественная организация обусловила государственный строй» [21, с. 138], то в России «элементарное состояние экономического ‒фундамента” вызвало гипертрофию государственной ‒надстройки” и определило сильное обратное воздействие этой ‒надстройки” на самый ‒фундамент”» [Там же, с. 130-131, 133-134]. На непрочном экономическом фундаменте «могла сложиться только очень элементарная общественная организация. При элементарном развитии экономики не было достаточно прочных и сложных материальных связей, которые могли бы служить обоснованием для резкой сословной группировки. Таким образом, общественный материал оставался бесформенным, хаотически перемешанным до тех пор, пока не явилась столь же элементарная потребность в усилении государственной власти» [Там же, с. 213].

Европейское общество, по мнению Милюкова, строилось в результате внутреннего процесса «снизу вверх». На слое оседлого крестьянства там вырос средний слой феодальных землевладельцев, надстройкой над которым стала централизованная государственная власть. Структура социума там обусловливала государственный строй. В России государство возникло значительно позднее, чем на Западе.

Государство оказывало решающее влияние на организацию общества. Слабость развития земельной аристократии приводила к тому, что государство вынуждено было само создавать служилое сословие и крупную земельную собственность. Если в Европе сословия формировались естественно, без вмешательства государства (более того, само возникновение государства в Европе было во многом следствием этих процессов), то в России они не были результатом органического происхождения, а создавались «сверху». В этом Милюков видел одно из проявлений контраста между Россией и Западом. Государство создавало не только служилое сословие и крупную земельную собственность. Оно же инспирировало и развитие крестьянской общины. Примитивный характер экономического быта обусловил пóзднее развитие русской общины. Оттуда же Милюков выводит ее тяглое, государственное происхождение [7, с. 147].

Креативная роль государства по отношению к сословиям привела к дефициту правосознания. На Западе сословия возникли органически из всего характера исторического процесса и опирались на римское право. В России все было иначе. Само государство было весьма примитивным, а задачи, которые оно ставило, были грубыми и несложными [10, д. 3383, л. 1]. Московские государи ни о какой законной основе для своей власти не думали, а опирались на силу. Новое право не заменяло старое. Оно явилось на смену полному отсутствию права. Отсюда – как дефицит правосознания в народе, так и слабость самих государственных установлений, например крепостного права. Чтобы разрушить средневековое крепостничество на Западе, «понадобились столетия, тогда как одного росчерка пера оказалось совершенно достаточно, чтобы опрокинуть гнилое здание барского произвола» [21, с. 272] в России.

Русское государство, по мнению А. А. Кизеветтера, возникало как весьма примитивная, «мало расчлененная» и «одноформенная» структура [14, с. 27, 29-30].

Для описания социокультурной динамики российского общества еще историками государственной школы была выдвинута теория закрепощения и раскрепощения сословий: русская история – это процесс закрепощения всех сословий и постепенного раскрепощения сначала дворянства, а затем всех остальных сословий. Теория получила развитие в начале XX века. Главное внимание было обращено на рост общественного самосознания.

Милюков, анализируя воззрения историков государственной школы, утверждал, что «государственная власть есть одно из проявлений общественной организации, а общественная организация сама зависит от элементов, из которых слагается общество», призывая объяснять юридическую форму исследованием «наполняющего ее социального материала» [22, с. 85]. Именно институт государственной власти, будучи главным актором русской истории, часто не желая того, стал формирующим элементом общественного сознания и личностного начала. Пиком развития этатизма в России сторонники этой теории считают первую четверть XVIII века – время правления Петра I, реформы которого довели до высшей точки процесс закрепощения общественных классов. Со смертью Петра начался процесс постепенного освобождения общества от исключительного господства государственного начала. «Указ о вольности дворянства, изданный Петром III – его предлог, освобождение крестьян от крепостной зависимости в царствование императора Александра II – его эпилог» [13, с. 10-12].

Освобождение началось с дворян. Дворяне смогли добиться привилегированного положения потому, что в их руках сосредоточились «две силы, которым принадлежит руководящая роль в общественном строении: сила капитала и сила знания». Чувствуя себя господином положения и опираясь на твердую почву экономического превосходства, дворянство заявило о своих притязаниях, лишь только исторические условия сделали эти притязания осуществимыми. Ему удалось осуществить свою программу: сохранить за собой прежние права, избавившись от прежних обязанностей. По почину самой верховной власти все притязания были удовлетворены [17, с. 17-20].

Время Екатерины II, по мнению Кизеветтера, – период «раскрепления» дворянства – исторический период, противоположный по смыслу петровской эпохе. «Екатерина освятила своим законодательством процесс, состоявший в разрушении созданного Петром порядка» [13, с. 15]. Вместо перестройки всего здания русского государства, как она мечтала в начале своего царствования, читая французских философов, в конце концов она «лишь увенчала отстроенное еще до ее приезда здание заключительным куполом и стала «дворянской царицей».

XVIII в. не только период усиления этатизма. С эпохи правления Екатерины II начинается история свободного общественного мнения, которым принципиально признается ненормальность крепостной зависимости, и идея освобождения в будущем именно в это время начинает пробивать себе путь.

Но наиболее важно появление в XVIII в. рядом с самодержавием еще одной исторической силы – бессословной интеллигенции, которая постепенно начинает оспаривать у надсословного правительства право решения основных задач, стоящих перед всем народом. Именно 70-е – 80-е гг. XVIII в. были моментом, с которого начинается непрерывная история интеллигентского общественного мнения в России.

Апология третьего сословия, среднего класса, интеллигенции весьма характерна для либеральной общественно-политической и исторической мысли. Невысоким результатом реформы Петра I увенчались потому, что царь не опирался на общественное мнение. Екатерина II такие попытки предпринимала. Главной задачей государственной деятельности признаются уже не расширение и охрана территории, а вопросы народного благосостояния и просвещения. Екатерина пыталась опереться на интеллигенцию, на содействие людей, теоретически подготовленных к осуществлению реформы. Но попытка государства создать третье сословие окончилась неудачей. Осознавая невозможность вести управление одним только бюрократическим способом, власть призвала общественные силы к участию в управлении. Однако асимметрия в положении сословий, гиперэтатизм, бюрократизированность управления и, наконец, существование крепостного права не дали реформе возможность осуществиться в полной мере. Ее результаты весьма скромны [14, с. 102]. «Третье сословие» стало складываться позднее. При Екатерине II новые начала получили скорее принципиальное, чем практическое осуществление [Там же, с. 118].

Скромность результатов по созданию третьего сословия в XVIII столетии Кизеветтер считает примером более широкого явления: резкого несоответствия идеологии законодателя с тогдашним политическим положением. К такому результату привел этатизм, свойственный российскому строю общественной жизни и обусловленный, в свою очередь, теми же причинами, что и процесс закрепощения и раскрепощения сословий. В России рост государственных потребностей опережал «развитие национальных сил, необходимых для удовлетворения этих потребностей». Поэтому государственное строительство осуществлялось форсированно. Правительственные начинания превышали ресурсы общества, и реформа «государственного быта» осуществлялась сверху, принудительно, при помощи «страшного усиления правительственных репрессий». Результатом стало «искусственное прикрепление чудовищно разросшегося громоздкого правительственного аппарата к неокрепшему социальному фундаменту, который лишь с большим трудом мог выносить его тяжесть». Деятельность этого аппарата, «страшно напрягая национальные ресурсы», приводила «к слишком скудным положительным результатам» [16, с. 161-162].

П. Н. Милюков обращал внимание на неразвитость российского общества, слабую его, по сравнению с Западной Европой, стратифицированность. Государство играло ведущую роль в создании сословий. Даже дворянство, будучи привилегированным сословием, находилось в подчинении государству. Милюков полагал, что сами сословия, сама общественная организация была создана государством для лучшего обеспечения военных потребностей в предшествующий период исторического развития, когда главной задачей государства была оборона страны. «Государственность в России не становилась в разрезе с сословной жизнью и употребляла или даже создавала сословные группы как орудия для своих правительственных целей» [21, с. 215].

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. носителями и активными потребителями западноевропейских либеральных идей были именно представители власти – цари, их приближенные, советники, близкие друзья. Именно они долгое время выступали в роли экспериментаторов по внедрению либеральных идей в традиционную русскую почву [25, с. 281]. Осуществление либеральных преобразований происходило силами бюрократии.

Усложнение структуры политической власти в XIX в., движение российской монархии в сторону имперского типа и наполнение монархической идеологии политическим содержанием не вели к увеличению действующих субъектов российской политики. Самодержавие оставалось глубинным, неизменяемым ядром властной системы, принципом господства, исходя из которого выстраивалась вся структура политических отношений.

Новая российская бюрократия, обеспечивавшая функционирование аппарата управления, формировалась по европейскому образцу, несмотря на что бюрократическая рациональность (формальное закрепление статуса и условий карьеры, профессиональная автономность, функционализация труда чиновника) в России не получила развитие. «Закрепощение» российского общества коснулось и бюрократической организации, которая не сумела воплотить в своей деятельности формализм публичной власти.

Российская бюрократия представляла собой формализм самодержавного государства, когда личная зависимость подчиненных оставалась идеалом российского начальника.

«Отношения личной зависимости и покровительства пронизывали бюрократический порядок самодержавной России – патрон-клиентные связи явственно различимы в социальной ткани, по которой писалась и подновлялась парадная картина империи» [23, с. 125].

Четко определенная дифференциация формального и неформального, институционального и персонального не стала полноценной частью имперской политической культуры России XVIII-XIX столетий.

Патримониализм и клиентализм – это внутренняя форма российской бюрократии, определяющая образ мысли и поведения властвующих – служащих. «В условиях жесткой иерархии, нацеленной на централизацию и монополизацию власти, клиентализм выступал в самых грубых, вынужденных формах» [1].

Политическая культура XVIII столетия была связана с адаптацией нового подхода к обоснованию легитимности имперской власти. Данный подход основывался на трех компонентах. Первый из них был четко сформулирован в комментарии к «Уставу о престолонаследии» под заглавием «Правда воли монаршей во определение наследника державы своей». В документе, с опорой на договорную теорию, обосновывалось возникновение политической власти по договору и для пользы подданных, народ передал власть в руки монарха навсегда и безусловно [23, с. 126]. Политическая власть подверглась десакрализации (секуляризации), несмотря на то, что в титулатуре российских императоров XVIII-XIX вв. сохранялась устойчивая формула «Божией Милостью Государь Император Всероссийский».

Второй, религиозный, компонент воспроизводил несколько обновленную традиционную идею о богоустановленности власти. Противоречия между первым и вторым компонентами снимались тезисом: «Глас народа – глас Божий».

Третья составляющая политической власти представляла собой учение об общем благе всех подданных империи, что возможно только при условии полного подчинения общества государству, когда государство определит и направит силы и способности каждого к общей цели.

Новая интерпретация политической власти, наполнение властных отношений новым рационалистическим смыслом имели важнейшее значение для государственности имперского типа. «Традиция переставала быть священной, а древность государственных институтов – критерием их совершенства, что позволило верховной власти на законном основании вносить в государственный строй и общественный быт большие изменения, руководствуясь вполне рациональным соображением – стремлением к общему благу» [Там же].

Цель государя (забота о всенародной пользе и благе Отечества, понимаемая в светском аспекте) формулировалась по-новому: как забота о материальном благополучии подданных и экономическом и политическом процветании государства [Там же, с. 127].

Политическая власть в XVIII в. закрепила формально-юридически свой самодержавный характер, что отразилось в нормативно-правовых актах.

Во второй половине XVIII столетия существование самодержавия рационализировалось двумя обстоятельствами: огромным пространством Российского государства, чтобы быстрота вынесения и реализации решений монарха могла компенсировать дальность расстояний (аргумент Монтескье), и выгодой для подданных повиноваться одному господину, а не многим (намекая на аристократический и демократический образ правления) [Там же].

Екатерина II, опираясь на идеи философов-просветителей, подновила обоснование легитимности самодержавной власти. Просвещенный самодержавный монарх может и должен соединить знания и власть, насаждать всей полнотой своей власти естественное право и рациональные истины, недоступные темным массам, направить действия людей «к получению самого большого для них добра», не отнимая при этом их «естественной свободы». Екатерина II более настойчиво и последовательно, чем Петр I, стремилась к утверждению в России «законной монархии», способной достичь поставленных государством целей и реализовать общественные потребности в благополучии каждого подданного [Там же].

Развиваясь в пространстве и времени, самодержавная власть вырабатывала патерналистический тип взаимоотношений государства и общества. Это находило прямое выражение в формулировках «Отец Отечества», «Мать Отечества» и иных, сохранившихся в правовых актах XVIII-XIX вв. «В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит без протокола – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести», – писал Н. М. Карамзин [12].

В XVIII в. патернализм являлся общей парадигмой для социальных отношений в целом обществе, в первой половине XIX в. – для отношений между низшими и высшими классами, а во второй половине XIX в. – лишь для отношений между царем и народом [23, с. 129].

В ходе общей трансформации российской государственности в XVIII в. серьезные изменения претерпела поведенческая компонента политической культуры. Идея служения государю сменилась идеей всеобщей службы государству как основного пути спасения души. При этом личность правителя, ранее ассоциировавшаяся со страной, начинает отделяться в массовом политическом сознании от государства. Уже в конце XVIII в. среди дворян бытовало мнение, выраженное в словах: «Будь верен государю, но самая первая твоя любовь и верность должна быть государству» [4].

Если государь и государство, т.е. политико-административная система управления, воспринимались и являлись субъектами политики, то общество из субъекта политических отношений превращается в объект манипуляций, огосударствляется (национализируется) [27]. Этот процесс, активно начавшийся в конце XVI столетия, протекал в виде закрепощения. Кульминацией этатизма стал XVIII в., а именно период правления Петра I, когда в целях усиления обороноспособности страны царь «довел до наивысшего напряжения старый принцип закрепощения всех общественных классов государственному тяглу» [15, с. 30]. Петр I по этому поводу отмечал: «Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам, эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству.

Надобно знать, как управлять народом» [Цит. по: 19]. При этом государственная власть упраздняет слой стрельцов, создает новую категорию зависимого населения – посессионных крестьян, осуществляются попытки формирования слоя городских обывателей.

Всеобщее закрепощение и деспотическая власть были напрямую связаны с эмансипацией центральной власти от сословных влияний. Государство, как отмечалось выше, само выстраивало сословную организацию, исходя из своих потребностей.

Закрепощение российского общества в конечном итоге вело к ослаблению государства, неспособности реализовать свою социальную функцию – обеспечить гармоничное единство общества.

Екатерина II отказывалась от представления о воле государя как единственном источнике и двигателе жизни общества. Имперским манифестом от 6 июля 1762 года было объявлено, что самодержавное самовластие само по себе без узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное для государства, усматривалась ценность в конкретных человеческих свойствах, признавалось определенное право личности поступать по собственной воле [18].

«Понимание интересов государства и личные устремления императрицы (Екатерины II) находили себе опору в тогдашних течениях общественной мысли, с которыми много читавшая Екатерина была хорошо знакома и представители которых в частной собственности усматривали основу процветания. Как и Петр Великий, Екатерина сознавала большое значение экономики для могущества и престижа страны; но в отличие от Петра, последовавшего установкам меркантилизма с его упором на руководящую роль государства, она попала под влияние физиократов и их доктрин экономического либерализма» [24, с. 250].

Во второй половине XVIII в. происходит инверсия: государство начинает эмансипацию российского социума, но она была избирательной и касалась отдельных слоев. Одним из последствий этого процесса стали продолжившиеся попытки государства скорректировать социальную структуру общества под свои запросы (формирование купечества как третьего сословия, оформление городских слоев).

Патримониальный характер, присущий в определенной мере политико-социальному строю Российской империи рубежа столетий, накладывал свой отпечаток и на привилегированное сословие. «Появление некоторых прав у российского дворянства по указу о —Вольности дворянской” не изменило феодального характера правящей элиты. То, что было прогрессивным для Европы XII-XIII веков, для России XVIII века таковым являться уже не могло. Обеспечение относительного корпоративного иммунитета феодальной элиты, которая лишь в незначительной степени использовала исторические возможности для самотрансформации в ходе либеральной модернизации, имело иные, не европейские последствия. Российская элита трансформировалась преимущественно в пределах своей феодальной природы и функций, не стремясь к большей проницаемости своих социальных страт, сопротивляясь буржуазному перерождению и пополнению своих рядов выходцами из менее статусных социальных групп» [8, с. 93].

К концу XVIII в. дворянство становится важнейшим элементом социальной структуры Российской империи. Этот привилегированный слой должен был стать носителем властных полномочий, через который власть могла транслировать значимые для государства ценности. «Первые тридцать шесть статей Жалованной грамоты (1785 года) дворянству поистине представляли собой закон о правах, который впервые создавал в России класс людей, пользовавшихся гарантиями на жизнь, личную свободу и собственность» [24, с. 253]. Екатерина на место западноевропейского горожанина поставила дворянина, «по которому равнялись все остальные в общем процессе уравнения и освобождения» [20]. Именно дворянство связывало самодержавную власть с обществом и на протяжении столетия резко наращивало свое влияние на внутреннюю и внешнюю политику, «сделалось единственным соучастником государственного управления и одновременно тем приводным ремнем, который связывал верховную власть с обществом» [23, с. 130].

В то же время власть стремилась контролировать, а по возможности ограничивать вмешательство дворянства в политический процесс. Так, Екатерина II, добившись укрепления своего положения, снизила влияние дворян в аппарате управления путем ослабления роли коллегий в политическом сфере, при этом проведя сословную реформу и укрепив позиции российского дворянства на местах.

Привлечение дворянства к участию в решении проблем губерний и уездов позволило имперской власти повысить эффективность управления административными единицами государства. С другой стороны, в качестве конкурента дворянству власть формировала городские сословия, предполагая рекрутирование чиновников и из этой среды. «Вольность, дарованная дворянству указами 1762 и 1785 гг., европеизация имперского стиля и господского быта усилили аристократическую тенденцию и одновременно привели к известной противоположности, даже противоречиям между дворянством (не только радикальной дворянской интеллигенцией, но и косной помещичьей средой) и бюрократией, наполовину разночинской, но в верхах своих вполне дворянской» [1].

Таким образом, вполне очевидно, что на рубеже XVIII-XIX вв. имперская власть сохраняла статус самостоятельной политической силы, лидера общества, что нашло закрепление и в имперской политической культуре и подтверждалось лояльностью разных слоев российского общества.

В XVIII-XIX вв. имперская власть в России была вынуждена обратиться к практике системных модернизаций. Данная необходимость была обусловлена внутренней слабостью (плохая исполнительская дисциплина в аппарате власти, неэффективность управления регионами, социальные выступления) и внешнеполитическими угрозами.

Каждая волна модернизаций должна была решить четко определенный перечень проблем. Но по большому счету процесс модернизации должен был вести к «освобождению от исторически заданных социальных

форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и подчинения», отказу от традиции как единственного руководства к действию, «к новому виду социокультурной интеграции» [6, с. 189].

Модернизации в Российской империи были направлены на усиление государственного начала, на сохранение самодержавного типа властвования. Это накладывало определенные ограничения на применяемый модернизационный инструментарий, на пределы преобразований.

Преобразования Петра I стали образцом модернизации имперского типа, впервые оформившегося в наиболее полном виде. При этом правитель сознательно избавился от либеральных аспектов модернизации, сосредоточившись на инструментально-технологической стороне процесса [11, с. 349].

«Стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием западного опыта капиталистической модернизации. Желание сохранить реальные или мнимые достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом даже сильно ограниченных военно-административных преобразований» [26, с. 146].

Характерной особенностью российских модернизаций стал четко заданный маятниковый ритм, который направлял и внутренне стабилизировал социокультурные основания Российской империи.

Имперская власть, осуществляя модернизации, не ставила перед собой цель эволюции в сторону модерности, опасалась своей внутренней слабости, неконкурентоспособности при неизбежных заимствованиях либеральных политических институтов, дистанцировалась от необходимости предоставления и защиты прав и свобод сословий российского общества.

«Задачи имперской модернизации состоят не в перерождении, размягчении империи, для нее важно взять у противника только то, что позволит успешно с ним бороться (в более мягком варианте – конкурировать). Имперская модернизация предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно количественные изменения внутри тех или иных сфер, прежде всего связанных с потребностями военного строительства. Более того, имперская модернизация осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как инокультурные заимствования, так и достижение конкурентоспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы» [8, с. 52-53].

Особенности политического строя Российской империи в ходе преобразований препятствовали проникновению модернизационных процессов вглубь политической системы. Это позволяло сохранить в целости воспроизводство российской традиционной идентичности, замедлить процесс социокультурной динамики.

Несмотря на ограниченность российских модернизаций в XVIII-XIX вв., происходила инфильтрация элементов европейской политической культуры, которые вызывали во властной элите по отношению к Западной Европе противоречивое чувство притяжения и отторжения. В XIX столетии эта амбивалентность оформилась в виде идеологии западничества и славянофильства.

Очевидным последствием модернизационного процесса в XVIII в. становится раскол, ставший качественной чертой политической культуры имперской России и в последующее время.

«Раскол есть особое состояние социальной системы, для которого характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями общества, жизненно важными для целого, их стойкое отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения» [3, с. 173]. Эта черта вела к активизации традиционалистских ценностей части общества во время попыток модернизаций, что позволяло политической элите «вовремя» останавливать процесс преобразований под давлением нарастающего объема социального недовольства.

Сегмент российского социума, ориентированный на политическую традицию, пытался интерпретировать возникающие проблемы сквозь призму уже накопленного культурного опыта, а не с помощью поиска новых решений. Особенностью расколотого общества является его постоянная хроническая неспособность «последовательно преодолевать социокультурные противоречия», оно «вынуждено существовать в условиях острейших противоречий, конфликтов во всех формах». Социальный раскол в XVIII-XIX веках привнес в имперскую политическую культуру принцип «хромающих решений». Данный принцип препятствовал принятию властью целостных, значимых решений, которые охватывали бы существенные стороны жизни общества [Там же, с. 177]. Существование и противоборство в политическом пространстве двух противоположных начал (модернистского и традиционалистского) отражались в акциях власти как непоследовательно принимавшиеся решения, нередко противоречащие друг другу (смена периодов реформ контрреформами) [2, с. 101].

Основной характеристикой бытования российской государственности в указанный период можно считать «превращенную» модернизацию, которая, с одной стороны, имела сущностные черты модернизационных процессов в странах первого эшелона, с другой – обладала существенными признаками, не позволяющими ее отождествить с аналогичными процессами в странах Западной Европы. Такими признаками можно считать:

- гиперэтатизм – креативную роль государства в отношении социальной структуры, а также политической и экономической модели;
- связанную с гиперэтатизмом беспрецедентную роль бюрократии, на которую опиралась и в большой степени интересы которой осуществляла императорская власть, более или менее успешно выполнившая задачу эмансипации от сословных влияний;
- патернализм – претензию государства на «отеческое» попечение не только частной жизни подданных, но и на строй их души, мировоззрение, ценностные ориентиры;

- феномен критического осмысления собственных оснований и путей развития, возникающий на фоне эмансипации власти от сословных влияний в обществе. Свободная общественная мысль вступает в сложные отношения с социальным большинством и властью, оказывая на власть существенное, хотя зачастую неартикулируемое влияние.

На первый взгляд может показаться, что указанные особенности характеризуют российскую модернизацию как дефектную, незавершенную, даже порочную. Однако природные, экономические, политические, социальные условия, в которых формировалась и развивалась российская государственность, не могли привести к иному варианту модернизации, с другой стороны, они обеспечили стабильное развитие политического процесса в указанный период.

Список литературы

1. **Афанасьев М. Н.** Клиентелизм и российская государственность [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/afanasev_klientism/05.aspx (дата обращения: 10.11.2013).
2. **Ахиезер А. С.** Проблемы государственной власти в России // Рубежи. 1995. № 6. С. 79-105.
3. **Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Новосибирск, 1998. Т. I. От прошлого к будущему. 804 с.
4. **Баранов Н. А.** Исторические тенденции и пути формирования менталитета российских военнослужащих [Электронный ресурс] // Политическая культура современного российского общества: состояние и перспективы: материалы научно-методической конференции 4 апреля 2002 г. Ч. II. URL: http://nicbar.narod.ru/statia12.htm (дата обращения: 14.05.2010).
5. **Баранов Н. А.** Политические отношения и политический процесс в современной России [Электронный ресурс]: курс лекций: в 3 ч. URL: http://nicbar.narod.ru/Spetskurs.htm (дата обращения: 23.06.2010).
6. **Бек У.** Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельника, Н. Федоровой. М., 2000. 145 с.
7. **Вандалковская М. Г.** П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285 с.
8. **Гавров С. Н.** Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2010. 352 с.
9. **Гавров С. Н.** Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. 269 с.
10. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 579. Оп. 1.
11. **Кагарлицкий Б.** Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. 528 с.
12. **Карамзин Н. М.** Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0120.shtml (дата обращения: 05.11.2013).
13. **Кизеветтер А. А.** Историческое значение царствования Екатерины Великой // Образование. 1896. № 11. С. 3-26.
14. **Кизеветтер А. А.** Местное самоуправление в России. Пг., 1917. 148 с.
15. **Кизеветтер А. А.** Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Русская мысль. 1896. № 10. С. 22-46.
16. **Кизеветтер А. А.** Речь перед диспутом // Русская мысль. 1904. № 1. С. 159-184.
17. **Кизеветтер А. А.** Русское общество в XVIII столетии. Ростов-на-Дону, 1903. 48 с.
18. **Ключевский В. О.** Курс русской истории. Лекция LXXV [Электронный ресурс]. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch75.htm (дата обращения: 15.06.2010).
19. **Ключевский В. О.** Петр Великий среди своих сотрудников [Электронный ресурс] // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. VIII. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_0310.shtml (дата обращения: 01.11.2013).
20. **Леонтович В. В.** История либерализма в России (1762-1914) [Электронный ресурс]. URL: http://propagandahistory.ru/books/Viktor-Leontovich_Istoriya-liberalizma-v-Rossii--1762-1914-/4 (дата обращения: 05.11.2013).
21. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры. М., 1909. Ч. 1. 316 с.
22. **Милюков П. Н.** Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 83-92.
23. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб., 1999. 568 с.
24. **Пайпс Р.** Собственность и свобода. М., 2000. 415 с.
25. **Секиринский С. С., Шелохаев В. В.** Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995. 288 с.
26. **Соловьев Э. Г.** У истоков российского консерватизма // Политические исследования. 1997. № 3. С. 137-147.
27. **Троицкий С. М.** Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974. 393 с.

STATEHOOD CONCEPT AND POLITICAL CULTURE OF IMPERIAL RUSSIA AT THE XVIIITH-XIXTH CENTURIES TURN

Konovalov Andrei Anatol'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tamazov Muslim Sultanovich, Ph. D. in History
Bun'kova Yuliya Vladimirovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian State University, Nal'chik
homunculus2@yandex.ru; damey@yandex.ru; y.bunkowa@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of statehood pattern in the political culture of imperial Russia of the end of the XVIIIth – the beginning of the XIXth century. Original marking-out of political space is conducted that allowed structuring it and revealing the peculiarities, contours and limits of political modernization. Attempt is undertaken to keep away from stereotype, traditional research approaches to political sphere studying, multi-vectorial coordinate system is suggested, on which different aspects of political system are projected. It allowed revealing different sense nuances in political process, various, different-vector tendencies of the studied object development.

Key words and phrases: statehood; etatisme; paternalism; political culture; political tradition; socio-cultural model; imperial modernization.